

Ольга Филиппова

Анализ «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905–1906 гг.) в свете проблемы благоустройства прихода

В статье представлен обзор мнений епископов Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв., касающихся причин упадка прихода; особое внимание уделено вопросу приходской реформы, тенденциям, повлиявшим на дискуссию и формирование приходского устава на Поместном соборе 1917–1918 гг. Интерес представляют попытки архиереев определить понятие «приход», а также их предложения, связанные с возрождением приходской жизни. Дается общий анализ исследуемого документа и краткая характеристика иерархии начала XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: епископ, приход, братство, церковная реформа, соборность, предсоборная дискуссия, Поместный собор 1917–1918 гг.

Вопрос реформы Российской православной церкви конца XIX — начала XX в. остается плохо изученным. Лишь в последнее время появился ряд серьезных исследований, касающихся этой темы¹. Однако чем отчетливее вырисовывается перед нами церковная жизнь конца синодальной эпохи, тем легче заметить, что и сегодня перед церковью стоят задачи, во многом сходные с задачами того времени, которые только накапливались за долгие годы советских гонений на церковь, но так и остались до сих пор неразрешенными. Это прежде всего вопросы соборного управления, связи епископа со своей паствой, создания церковного суда, духовного образования, а также жизни прихода.

Хронологически первым авторитетным источником начала XX в., комплексно излагающим все эти вопросы, являются собранные в 1905–1906 гг. «Отзывы епархиальных архиереев» (далее «Отзывы»). Кроме «Отзывов», являющихся предметом настоящего исследова-

1. См.: [Дестивель; Фирсов].

дования, данная работа учитывает труды IV отдела² Предсоборного присутствия 1906–1907 гг., опубликованную часть документов Деяний, Обзор деяний и Собрание определений и постановлений Поместного собора 1917–1918 годов. Без обращения к этим материалам невозможно понять основные черты и тенденции дискуссии по переустройству приходской жизни. При изучении вопроса был также учтен и другой исторический материал — многочисленные журнальные статьи церковной и светской печати того времени плюс материалы епархиальных съездов. Этим съездам удалось обозначить ряд ключевых проблем церковной реформы, приняв активное участие в формировании предсоборной дискуссии.

Ход предсоборного и соборного обсуждения вопросов, касающихся благоустройства прихода, сложился так, что его центром явились дискуссии по следующим вопросам: определения прихода, дарования *приходской общине* права юридического лица, права распоряжения и заведования церковным имуществом, избрания клира и устройства органов приходского управления.

Дискуссия по этим вопросам очень важна, она представлена в большом количестве документов. В данной работе мы попробуем коснуться в первую очередь следующих тем:

- полемики вокруг причин упадка прихода и проблем в связи с постановкой вопроса реформы;
- определения и границ прихода, поскольку остальные вопросы (юридического лица или, точнее, лиц в приходе; выборности клира; приходского управления и пр.) в каком-то смысле производны от того, что мы понимаем под приходом;
- предложения архиереев, касающиеся путей возрождения прихода.

Епархиальные архиереи 1905–1906 гг.: попытка характеристики. «Отзывы» как исторический источник (краткий обзор)

В 1905 г. Русская церковь насчитывала 109 епископов (включая викарных), 72 из которых происходили из духовного сословия, 11 — из иных (дворян, мещан и пр.). Данные о социальном происхождении остальных 26 архиереев отсутствуют. Будет вполне допустимо предположить, что многие из них также происходили из «духовного корня». Средний возраст преосвященных чуть превышал 50-летнюю отметку.

2. Отдел «О благоустройении прихода».

Одной из основных проблем, касающихся служения российской иерархии предсоборного периода, был отрыв епископата от вверенного его архипастырскому попечению церковного народа. Впервые эта проблема была озвучена в прессе рубежа XIX–XX вв.:

Епископы-монахи, поднимая свое положение выше и выше, оторвались от тела Церкви и превратились в нарицательные церковные величины, в правителей Церкви по имени, а не на деле³.

Говорить в наши дни о существовании живой органической связи между епископом и его паствой — это значило быть или слишком наивным или слишком... смелым. Если с кем у епископа и существует «живая» связь, то разве с представителями губернской администрации, вроде губернатора или предводителя дворянства, кое с кем из купцов, кое с кем из «благочестивых» барынь...⁴

В качестве одной из основных причин, породивших неудачи епископского служения, многие современники видели институт «ученого монашества». Взгляды людей совершенно разных убеждений и сословий в этом вопросе удивительным образом совпадали. Через призму головокружительной карьеры «ученого монаха» часто смотрели и на всю церковную иерархию. Конечно, за полемикой начала XX в. об «ученом монашестве» проглядывается в первую очередь поиск ответов на вопросы: *откуда* и из какой среды должен поставляться епископ, *кто* выносит решение о поставлении того или иного кандидата на архипастырское служение, какова роль паствы в поставлении клирика или архиерея и пр. Богословская, пастырская и публицистическая мысль предсоборного периода ставила и пыталась искать церковные ответы на целый спектр подобных вопросов. Проблема разобщенности между епископом и паствой освещены не только в церковной и светской печати или работах отдельных историков. Значительная часть архиереев 1905–1906 гг. также признавала наличие этой проблемы, пытаясь наметить пути преодоления разделения.

Другой особенностью конца синодального периода было то, что одним из основных гарантов поставления на епископское служение выступила духовная школа, которой на рубеже XIX–XX вв. без сомнения удалось воспитать ряд ярких ученых и церковных

3. Ма-тский М. Пресвитерианство и епископы // ЦОЖ. 1907. № 3. С. 74. Цит. по: [Белякова, 397].

4. На церковно-общественные темы. 1 марта 1916 г. в жизни Православной церкви в России // ХМ. 1916. № 5. С. 135. Цит. по: [Белякова, 397].

деятелей, в том числе и епископов. Приведем цифры, характеризующие образовательный уровень епископата. В данном случае его никак нельзя назвать низким. Из 109 епископов 1905–1906 гг. девяносто девять получили в свое время высшее образование. Многие имели ученые степени магистров и докторов богословия. Но, отмечает в своем отзыве петербургский митр. Антоний (Вадковский),

на деле вышло — что для самого общества... пастырское служение стало казаться и трактоваться просто, как профессиональная должность, а не как необходимое посредство христианского бытия всех и каждого. В свою очередь и наука богословская получила в глазах светского большинства такой вид, что она имеет важность единственно лишь для профессиональных потребностей «духовного сословия», поэтому, если пастырей и учителей церковных слушают больше формально и обращаются к ним лишь для выполнения необходимых обрядностей, то богословие просто игнорируют... Не удивительно, что и религиозное оживление в светском обществе чаще возбуждалось богословами светскими (А. С. Хомяков, Вл. Соловьев)... [*Отзывы*, 3, 154].

В оправдание иерархии здесь стоит вспомнить такую реалию архиерейской жизни тех лет как бесконечные перемещения епископов с кафедры на кафедру, при обер-прокуроре К. П. Победоносцеве окончательно превратившуюся в своеобразную «воспитательную» меру. Подобная «перетасовка» не могла не сказаться на отношении архиереев к своему архипастырскому долгу. Российские иерархи часто были более заинтересованы, а иногда и вынуждены первым делом налаживать отношения со светской властью, а не с паствой.

Таким образом, каждый, кто знакомится с историческими документами или воспоминаниями, освещающими жизнь российской иерархии предреволюционной поры, сталкивается с неким противоречием. В одних источниках архипастыри представлены как властолюбивые или безынициативные чиновники, оторвавшиеся от своей паствы, а порой и просто как плохо воспитанные и недостаточно культурные люди. В других, в том числе в «Отзывах», мы видим среди епископов не просто прекрасно образованных и адекватных своему времени людей, но и духовно трезвых, понимающих насущные церковные задачи архипастырей. Также исследование источников конца синодального периода выявляет ошибочность мифа об отсутствии у российской иерархии желания «обновления и оживления» церковной жизни. Это показывает практически единодушно высказанная в «Отзывах» поддержка епископами идеи церковной реформы, как и последовавшая за ними дискуссия

и работа Собора 1917–1918 годов. При этом двойственность положения синодальных епископов не могла не сказаться на их взглядах на церковную реформу. Предел сферы епископского влияния здесь определяли государственные интересы, и если представители общественности, в частности в прессе, порой позволяли себе выступать, даже когда их не спрашивали, то архиереи такой возможности не имели или, скорее, ей даже не пользовались.

Краткая сводка событий вокруг «Отзывов» следующая. 27 июля 1905 г. от имени Св. Синода был разослан документ, в котором епархиальные архиереи обязывались представить свои соображения по вопросам: 1) созыва Поместного Собора и его состава, 2) разделения России на митрополичьи округа, 3) реорганизации церковного управления и суда, 4) усовершенствования духовных школ, 5) порядка приобретения церковной собственности, 6) проведения епархиальных съездов, 7) участия священнослужителей в общественных организациях, 8) «предметов веры» и, конечно, 9) благоустройства прихода. К весне 1906 г. были получены последние мнения, и тогда же Синодальная типография издала три тома «Отзывов», том «Прибавлений» и «Сводок отзывов». Исключительное внимание в «Отзывах» уделялось проблемам приходской жизни. Лишь два епископа не высказали никаких суждений на эту тему⁵. Преобладающим же большинством архиереев вопрос благоустройства прихода был изложен довольно подробно. При этом значительная часть архиереев подчеркивала невозможность возрождения церковной жизни без изменения положения дел в приходе, или, как еще его называли епископы, в «малой церкви».

Основную ячейку церковной жизни составляет приход, — пишет, например, еп. Могилевский Стефан, — от его жизнеспособности зависит жизнедеятельность и всего церковного организма. С обновления строя приходской жизни потому следует начинать и все великое дело нашего церковного переустройства [Отзывы. 1, 124].

Упадок приходской жизни признавался практически всеми авторами «Отзывов». Вот, например, высказывание будущего патриарха и святителя Тихона, тогда архиепископа Алеутского и Североамериканского:

5. Мефодий (Герасимов), еп. Забайкальский, и Питирим (Окнов), еп. Курский и Белгородский.

Нельзя отрицать того, что во многих местах России приходская жизнь идет очень вяло: связь прихода с церковью — слабая, выражающаяся только в отправлении треб и в хождении в церковь по праздникам. Просветительные и благотворительные учреждения в таких местах отсутствуют, голос священника слышится редко, и мало кто с ним считается. Обо всем этом за последнее время написано очень много... [Отзывы. I, 534].

Высказанные епископами идеи преобразования приходской жизни были во многом отражением дебатов, проходивших в прессе на рубеже XIX–XX веков. А при освещении проблем иерархи использовали богословский, научно-исторический, пастырский и публицистический подходы. Так, наличие пастырского подхода в отношении церковных преобразований — одна из самых сильных сторон исследуемого документа. Вопрос благоустройства прихода затрагивается епископами в контексте целей и задач церковно-приходской жизни, поиска усилий по сближению епископа со своей паствой, общей молитвы, устава, личного благочестия, духовного просвещения и образования, диаконии и других аспектов церковной жизни, не предусмотренных синодальной анкетой.

Историческое значение «Отзывов» чрезвычайно велико. В числе их авторов представлены многие выдающиеся иерархи Русской церкви революционной и послереволюционной поры: будущие патриархи — Тихон (Белавин) и Сергей (Страгородский); Евлогий (Георгиевский), позднее митрополит Западно-Европейский; Антоний (Храповицкий), который потом стал главой Русской зарубежной церкви; будущие митрополиты и мученики Агафангел (Преображенский), Арсений (Стадницкий), Иаков (Пятницкий), Владимир (Богоявленский).

«Отзывы» — о благоустройении прихода

ПРИЧИНЫ УПАДКА ПРИХОДА⁶. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА РЕФОРМЫ

К началу XX в. стало совершенно очевидно, что в существующем виде приход не устраивал никого — ни государство⁷, ни церковь. Не явились здесь исключением и мнения архиереев. Преобладающее большинство епископов указывало на целый спектр причин

6. Анализ причин упадка прихода требует специального исследования и не входит в прямые задачи данной работы; этому вопросу уделяется внимание

лишь в контексте мер, направленных на благоустройство приходской жизни.

7. См.: [Рожков].

упадка прихода, видя их как в специфике церковно-государственных отношений, так и во внутрицерковных проблемах, прекрасно понимая неразрывную связь этих сторон приходской жизни того времени.

Среди причин упадка епископы и комиссии, чьи суждения вошли в «Отзывы», назвали:

- «реформу Петра Великого», приведшую к «подмене соборного строя церковного управления коллегиальным началом»;
- замкнутость духовенства, превратившегося в сословие чиновников ведомства православного исповедания с «требоисправительным отношением к пастве», «полицейскими обязанностями» и «государственными наградами и отличиями»;
- «разобщенность между духовной иерархией, священством и мирянами», «между приходским священником и паствой»;
- «частые переводы священников» из прихода в приход;
- «отсутствие влияния духовенства на общество»;
- отстранение прихожан от ведения церковно-хозяйственных дел или от участия в избрании клира;
- необходимость «реорганизации духовно-учебных заведений», дающих образование не в соответствии с призванием к пастырству, а по «факту рождения в духовном ведомстве»;
- «отчуждение между совершителями богослужения и его пассивными слушателями»; «непонятность богослужебных текстов для массы простых верующих, а порой и для самих священнослужителей», «сухой колорит проповедей»;
- «взаимную бедность пастыря и пасомых» и форму оплаты труда священника; наследие крепостного права, малограмотность крестьянского населения, «почти полное равнодушием прихожан к общеприходской жизни», совершение «грубых грехов»;
- «многолюдность населения приходов», «обширность и неравномерностью российских епархий»;
- номинальность «просветительной и благотворительной деятельности», «необеспеченность народа книгами Св. Писания»;
- «безучастность церковно-приходской общины в наблюдении в пределах прихода за чистотой веры и нравов» и др.

ДВА ВЗГЛЯДА НА БЛАГОУСТРОЕНИЕ ПРИХОДА

Несомненно, епископы, также как и российское церковное и околицерковное общество рубежа XIX–XX вв., испытывали влияние господствующих направлений общественной мысли того времени,

обнаруживая склонность то к либеральной демократии и романтическому народничеству, то к консервативной реакции. Тем не менее в «Отзывах» и других предсоборных церковных документах, как и в публицистике начала XX в., можно встретить главным образом два взгляда, две модели благоустройства прихода. Представители первого связывали свои надежды на возрождение прихода в первую очередь с изменением приходского строя, ориентированного на дарование приходской общине больших прав и свобод. Представители второго видели путь к благоустройению прихода в основном в подготовке ревностных пастырей и проповеди благочестия среди мирян.

Приведем аргументацию первых — епископов, делающих акцент на реформе церковно-приходского устройства. Вот, например, мнение еп. Димитрия (Ковальницкого):

...Признавая неоспоримое значение авторитета личности пастыря в жизни прихода, полагаем, что пастырь без деятельного участия самого прихода не в состоянии единолично исполнить все требования, предъявляемые к нему современной жизнью... [*Отзывы*. 2, 400–401].

Именно эта часть российской иерархии говорила о соборности. При этом творческая мысль епископов, как и авторов богословской, пастырской и публицистической литературы того времени, была сосредоточена на поиске механизма реформы. Для многих это и был поиск пути воплощения духа *соборности*, которая виделась в предоставлении приходской общине прав юридического лица, права распоряжения церковными суммами и имуществом, выбора священников и лиц клира, устройства органов приходского управления [*О благоустройении прихода*, 2]. По каждому из этих пунктов существует целый спектр мнений и тома полемики, как с представителями других взглядов на благоустройство прихода, так и друг с другом.

Одной из самых сильных сторон подхода, акцентирующего необходимость реформы церковно-приходского устройства, несомненно являлась попытка возрождения каждого православного христианина как члена церковного собрания. Представители этой позиции остро понимали, что церковь — не только учащие епископы и пресвитеры. Эта позиция имела и свои слабые стороны. Главной из них, наверное, была некоторая идеализация пасты и унифицированный подход к ней, т. е. желание выработать единый устав для всех приходов, находящихся на необъятных

российских просторах, что в результате и было осуществлено на Поместном соборе 1917–1918 гг.

Приведем теперь аргументы представителей второго взгляда, ставящего в деле возрождения прихода акцент на ревностном служении приходских пастырей.

Одушевленная и деятельная приходская жизнь бывает там, — пишет архиеп. Антоний (Храповицкий), — где есть добрый пастырь: тогда постепенно явится и разумная организация, которую, конечно, должна поддерживать и высшая власть; но формальное внедрение такой организации... даст очень-очень мало... начать дело с внешней организации — это все равно, что шить ребенку огромный сюртук и шапку и думать, что он из-за того сделается взрослым человеком... [Отзывы. 1, 131–132].

Сильная сторона этой позиции — осознание необходимости подготовки приходских пастырей и поиска полноты «религиозно-нравственной жизни прихода», правда, в основном только в аскетическом и этическом ключе. К сожалению, для представителей этой группы часто был характерен клерикальный или охранительный настрой.

ИНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ВОПРОС РЕФОРМЫ ПРИХОДА

Укажем и некоторые наиболее значительные тенденции в церковно-общественной мысли рубежа XIX–XX вв., оказавшие влияние на ход предсоборной и соборной дискуссии, а также и на сам Приходской устав 1917–1918 гг.:

1. Во-первых, можно говорить о влиянии либерально-демократических образов и понятий. Очевидно, они настолько вошли в церковный словооборот начала XX в., что не вызывали недоумения или сопротивления у громадного большинства архиереев, разделявших взгляд на благоустройство прихода через реформу церковно-приходского устройства. Например, употребление таких слов, как «самоуправление», «автономия» и пр. по отношению к приходу в конце синодального периода — обычное явление для церковного общества⁸. К сожалению, представители церкви рубежа XIX–XX вв. не смогли задать тон в дискуссии о приходе

8. См., напр., отзывы Георгия (Орлова), Иаонникия (Казанского), Арсения (Стадницкого), Димитрия (Ковальницкого), Петра (Другова), Тихона

(Никанорова), Димитрия (Самбикина), документы Предсоборного Присутствия.

и были вынуждены пользоваться словами и понятиями, введенными в полемику людьми, плохо понимавшими природу Церкви.

2. Также можно говорить о влиянии славянофильских идей на суждения архиереев начала прошлого столетия. Вот, например, цитата из отзыва еп. Арсения (Стадницкого):

...Нельзя... признать правильной мысль о необходимости полного восстановления древнерусского прихода во всей его прежней организации и устройстве, — пишет он, — но вечно жизненный принцип соборности, одухотворяющий жизнь приходской общины в прежнее время, может обнаружить столь же благотворные последствия и теперь... Возрождение прихода на основах христианской общительности и взаимодействия могло бы возгреть живое отношение к приходской жизни со стороны всех членов приходской общины — не только духовных, но и светских [Отзывы. 3, 210–211].

3. Благодаря развитию исторической и источниковедческой науки начиная со второй половины XIX в. стали появляться работы, благодаря которым для значительной части церковного общества древнерусский допетровский приход стал если не идеальной моделью-мечтой, то, во всяком случае, тем лекалом, по которому многие, в том числе архиереи, сверяли жизнь прихода предреволюционной поры⁹. Вот, например, выдержка из отзыва еп. Иоанникия (Казанского), дающего представление о том, какие же черты древнерусского прихода выделяла в начале XX в. синодальная иерархия:

В древнерусской Церкви каждой приходской общине принадлежали права: 1) ...расходования церковных сумм чрез выборных старост, 2) земельной собственности, 3) примирительного суда... и 4) выбора священно-церковнослужителей... Из этого... видно, что современный нам русско-православный приход несколько уклонился в своем устройстве... чем и объясняют наблюдаемый повсюду упадок приходской жизни... [Отзывы. 1, 359, 361].

4. Многие архиереи в 1905–1906 гг. признавали подходящей и модель устройства приходских собраний и советов финских православных церквей¹⁰.

9. См., напр.: [Аксаков; Папков].
10. См. отзывы Арсения (Брянцева), Антония (Храповицкого), Серафима (Мещерякова), Иоанникия (Казанского), Христофора (Смирнова), Иоакима (Левичкого), Агафадора (Преображенского),

Агафангела (Преображенского), Евлогия (Георгиевского), Тихона (Василевского), Олонецкой духовной консистории, Сергия (Страгородского), Макария (Невского), Никодима (Бокова).

Если поставить вопрос, — пишет еп. Тихон (Василевский), — в каком учреждении могла бы сосредоточиться совместная дружная работа пастыря с пасомыми на благоустройство прихода, то всего естественнее указать здесь на учреждение, которое уже одобрено высшею православно-духовной властью. Мы разумеем всеподданнейший проект Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов в Финляндии. Известный знаток «приходского вопроса» в России А. Папков приспособил правила этого проекта для всех православных приходов в России... Настоят лишь надобность дополнить и развить проектируемые правила применительно к различным местностям России... [Отзывы. 2, 542].

Среди приверженцев этой модели были епископы, имеющие самые разные взгляды на благоустройство прихода. Такое совпадение мнений отчасти разъясняется в отзыве архиеп. Антония (Храповицкого):

...Разосланный архиереям проект устройства православных приходов в Финляндии может быть допущен и в России, ибо здесь ведению приходского собрания подлежит не имущество храма, а право самообложения... Собрания собирает и на них председательствует священник, так что с иерархической точки зрения финляндский проект не вызывает возражений, хотя он и скопирован с приходов лютеранских. Требуется только некоторые изменения... [Отзывы. 1, 130].

Надо сказать, что эта в своей основе все-таки протестантская модель устройства прихода имела существенное влияние на дальнейший ход дискуссии и ряд решений вопроса приходского устройства на Соборе 1917–1918 гг.

Приведенные примеры указывают на практически единодушное признание епархиальными архиереями 1905–1906 гг. упадка приходской жизни и выявляют большой спектр мнений епископов в вопросах, касающихся пути благоустройства «малой церкви». И здесь вполне объяснимы возникшие трудности и противоречия, поскольку даже понятие «приход» до принятия приходского устава на Соборе 1917–1918 г. в русском церковном праве отсутствовало, а существующие протестантские и католические законодательства в этом случае явно не подходили.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ГРАНИЦЫ ПРИХОДА

Ко времени открытия Предсоборного Присутствия, — вспоминал позднее Н. А. Заозерский, — в нашей периодической печати накопилось такое значительное количество исследований... и проектов православного прихода — частных и правительственных, что казалось решить приходской вопрос — дело весьма легкое. Действительность же показала нечто иное... Выявились такое различие принципиальных воззрений на сущность православного прихода, что прийти к какому-либо единогласию оказалось невозможно... Этот опыт показывает, что остается нечто недосказанное, есть пробел, который нужно восполнить, именно в видах выяснения основных, принципиальных воззрений на приход [Заозерский, 2].

Впервые в русском церковном праве понятие «приход» было канонически разработано в приходском уставе, принятом на Поместном соборе 1917–1918 гг. Не отвлекаясь на юридические тонкости, важно отметить, что в целом было принято такое понимание прихода, которое естественным образом сложилось еще примерно в XVI в., а после стало употребляться в разговорной речи и официальном языке уже как само собой разумеющееся. Под приходом понимался церковный территориальный округ и лишь затем — общность людей, которые окормляются, т. е. молятся, приобщаются к таинствам и удовлетворяют другие религиозные потребности в одном храме, относящемся к этому округу. С другой стороны, до конца XV в. отношения священника и его паствы обозначались в источниках не всегда в связи с территориальным признаком, а еще и в контексте так называемой «покаяльной семьи» — т. е. людей, регулярно исповедующихся и причащающихся у одного иерея [Стефанович, 235]. Вникая в определения прихода, которые были даны в начале XX в., можно заметить, что в них нашла отражение борьба между двумя этими акцентами. Наиболее острая предсоборная полемика развернулась здесь между теми, кто пытался определить приход через понятие «малая церковь» в смысле *собрания верующих*, и теми, кто при определении прихода основывался на понятиях «от Бога установленное учреждение» или «установление».

С другой стороны, церковное общество задавалось вопросом: в чем понятие «церковное учреждение» противно понятию «церковная община»? Всматриваясь в различные определения, можно найти в них и схожие элементы, а именно: храм, клир,

мирян и епископа. При этом из дискуссий того времени видно, как термины «малая церковь», «община», «учреждение», «основная ячейка церковного общества» наполнялись совершенно разными, подчас противоречивыми (а также непривычными для нас сегодня) смыслами. Вот небольшой пример: значительная часть архиереев в 1905–1906 гг. называла исполнительный орган приходского собрания «приходским попечительством» или «приходским братством». Некоторые из них, как, например, еп. Христофор (Смирнов), хотели положить в основу возрождения прихода идею братства. Сам приход у них часто именовался «приходским братством». При этом основа предлагавшегося ими приходского устройства оставалась прежней. Бывало и наоборот: в старых, общепринятых терминах выражалось совершенно новое для своего времени содержание.

Отдельно нужно сказать о связи прихода и храма. «Приход», или «приходская община», согласно реалиям начала XX в. (в этом смысле ничем не отличающимся от сегодняшних) представляла собой элемент, целиком входящий в церковь как «учреждение». Согласно этой логике приход, приходская община (παροικία) без храма-здания — явление немислимое; и наоборот, храм, здание без прихода, т. е. без людей, без приходской общины (ἐκκλησία), — ситуация вполне заурядная. В результате приходская община мыслилась вторичной по отношению к приходскому храму, т. е. общиной *при* здании. В начале XX в. некоторые богословы понимали неестественность такой расстановки акцентов и пытались дать на нее ответ. Так, в материалах IV отдела Предсоборного присутствия отражены мнения (в том числе и епископов) в поддержку определения прихода, в котором в качестве необходимого его критерия подчеркнуто отсутствует указание на то, что приход — это объединение христиан *при* храме¹¹. Эта гибкость мысли предсоборной дискуссии не была воспринята большинством Собора 1917–1918 гг., который попытался примирить два взгляда на приход — как на «общину» и «малую церковь» и как на «установление» *при* храме-здании, но результата так и не достиг.

Есть в архиерейских отзывах и другой акцент, касающийся отношения к храму-зданию. Так в ответе, присланном епископом Евфимием (Счастневым), читаем:

11. См., напр., мнения архиеп. Сергия (Страгородского), еп. Кириона (Садзагелова).

Забота о благолепии храма должна уступить потребности христианской общины в общих для молитвы собраниях. Пусть помещения для этих собраний будут самые скромные по размерам и обстановке, пусть не выпускается из вида, что Дух Святой сошел на апостолов не в великолепном храме, а в горнице. Только таким путем, при ограниченности народных средств, возможно будет питать духовной пищей русский деревенский народ [*Отзывы*. 3, 498].

К сожалению, и до сих пор эта позиция не очень популярна.

По-разному в большинстве отзывов решен и вопрос требований, предъявляемых архиереями к членству в городском и сельском приходе. Схожий дифференцированный подход мы можем наблюдать, кстати говоря, и в отношении к городскому и сельскому священнику или старосте. Здесь епископы явили более разумный и гибкий подход к «территориальной проблеме», чем тот, который был зафиксирован, например, в соборном Уставе 1917–1918 гг., имеющем общий критерий членства для всех приходов России.

Возникновение полемики по всем этим вопросам было спровоцировано тем, что к началу XX в. последний рубеж и оплот прихода — его каноническая граница — начал исчезать, что явно обозначилось уже в революционных событиях 1917 года. Вот что писал в «Отзывах» митр. Владимир (Богоявленский):

Основную ячейку церковной жизни должен составлять приход... Но здесь мы должны отметить то печальное явление, что в настоящее время приходская жизнь у нас на Руси проявляется весьма слабо, а во многих местах ее и совсем нет. Здесь я разумею приходскую жизнь в больших городах. Там пастырь не знает даже, где пределы этих приходов и кто их прихожанин. В этом слове «прихожанин» выражается и вся сущность нынешних отношений пасомых к пастырям. Прихожанином считается только тот, кто приходит в церковь за какой-нибудь требой, и только тогда, когда приходит... Когда посмотришь на этот предмет с разных сторон, он всюду представляет только мрачные виды... [*Отзывы*. 3, 231].

Часть архиереев начала XX в. в контексте *приходской реформы* обращали внимание церковного общества на проблемы приходского богослужения и богослужебного устава. Интересно отметить, что вопросы богослужения широко обсуждались и после 1905–1906 гг., однако уже в отрыве от попытки решения вопроса благоустройства прихода. Таким образом, можно говорить о некотором повороте самой внутрицерковной дискуссии в ходе

предсоборной полемики. И здесь уместно сказать о пути благоустройства прихода, предложенном пастырями-праведниками начала XX в. (Алексием Мечевым, Николаем Смирновым, Василием Постниковым, Валентином Амфитеатовым и многими другими), которые в центр своей приходской деятельности поставили то, что мы сегодня называем «молитвенным собранием верных». Они стали объединять людей, ищущих духовной жизни, созидавая через них *собрание верных*, в первую очередь, в евхаристии и в других храмовых молитвах и таинствах, а также стали заботиться об общей внебогослужебной жизни своих прихожан. И поскольку храмовая молитва стала *молитвой всего собрания*, невозможно было не заботиться о духе и смысле богослужения, т. е. о том, что тогда называлось «уставным богослужением». Своих прихожан эти пастыри приглашали в приход как в «свой монастырь», на *единственный и общий* путь Жизни, путь ученичества у Христа.

Попечительства, братства, их «круг деятельности» и роль в возрождении приходской жизни

Согласно положению 1864 г. в приходской реальности начала XX в. существовали приходские попечительства и братства. У их истоков стояли такие выдающиеся фигуры своего времени, как митр. Иннокентий (Вениаминов) и генерал-губернатор Сибири и автор нескольких небольших книг по истории Русской церкви гр. А. Н. Муравьев. Благодаря их инициативе в 1859 г. и возникли попечительства [*Римский*, 328–330]. Однако если основной целью первых попечительств было вовлечение населения Сибири в приходскую жизнь, по сути дела воцерковление (через возможность более активной занятости в приходе), то переработанное для всей России Положение о попечительствах 1864 г. было нацелено, главным образом, на активизацию прихожан по поиску средств для причта и приходских церквей. Практически все архиереи 1905–1906 гг. выразили свое недовольство деятельностью современных им попечительств и братств. Их дальнейшая судьба затрагивалась в «Отзывах» очень широко.

Среди ответов епископов можно выделить три группы мнений. Первую группу составили архиереи, считавшие, что так как попечительства и братства 1864 г. устраивались для решения проблем приходской жизни и предложенный проект реформы церковно-приходского устройства также предназначен для этой же цели,

следовательно, будущий устав делает ненужным существование попечительств и братств, не оправдавших возложенных на них надежд на возрождение прихода.

Вторая (бóльшая) часть епископов придерживалась иного мнения. Говоря о восстановлении приходской общины с приходским собранием и советом, они в то же самое время признавали полезным открытие в приходах попечительств и братств по образцу 1864 года. Таким образом, в глазах иерархии 1905–1906 гг. наибольшее сочувствие получила идея организации прихода как общины, состоящей *при приходской церкви*. Причем в документах «Отзывов» «приходская община» в терминологии епископов часто называлась «попечительством» или «братством». Однако содержание, которое они вкладывали в эти понятия, являет собой ту же широкую палитру смыслов: от «малой церкви» для одних — до «Божественного установления» и «учреждения» для других.

Наконец, к третьей группе относятся, в первую очередь, отзывы митр. Владимира (Богоявленского) и еп. Стефана (Архангельского). Они также пишут о попечительствах и братствах, но, согласно их мнению, приходские попечительства должны упраздняться там, где приход возрождается как объединенная на единой территории приходская община. Для большинства же городов и других мест, в которых основная часть прихожан «состоит большей частью из пришлого элемента», эти архиереи отдают предпочтение попечительствам и братствам.

Попечительства, равно как и другие свободные религиозно-нравственные союзы и братства, — пишет митр. Владимир, — не только не излишни, но на учреждение и развитие их должно быть обращено самое серьезное внимание епархиальной власти и настоятелей церквей [*Отзывы*. 3, 235].

Здесь стоит подчеркнуть, что, говоря об этих свободных союзах, митрополит не имеет в виду учреждений, находящихся в подчинении у прихода, так называемых «приходских комиссий» [*О благоустройении прихода*, 15], являющихся «учреждениями» *при приходском храме*. Ему вторит еп. Могилевский Стефан:

В тех городских приходах, где преобладает в составе прихожан элемент текущий (чиновники, заводские рабочие и пр.) и где организовать общину на прочных основах отдельного юридического лица будет затруднительным, общины могут получать характер свободных религиозно-нравственных союзов или братств; причем все права и обязательства общины усвоятся

и распространяются только на непосредственных участников этих союзов [Отзывы. 1, 84].

Иерархи предполагали и более свободные отношения правящего епископа епархии с паствой, входящей в «разнообразные союзы и братства». В соответствии с отзывом еп. Константина (Булычева) братства такого рода должны испрашивать на свое существование благословение у своего епархиального архиерея, который наблюдает за их деятельностью «через посредство духовных лиц, входящих на правах членов в состав этих союзов и управляющих их делами комитетов» [Отзывы. 1, 501].

Некоторые синодальные иерархи писали о том, что епископ должен являться членом какой-то конкретной «приходской общины», «братства» или «попечительства».

...В состав братств должны входить и высшие представители Церкви — патриарх, митрополиты, епископы, члены Синода и советов епископских, члены учреждений духовных и светских, — писал, например, еп. Христофор (Смирнов) [Отзывы. 2, 62].

Схожее суждение мы можем прочесть в отзыве еп. Иоанникия (Казанского):

Необходимо восстановить [приход] — насколько это окажется удобным и возможным при современных условиях — по началам древнехристианских общин, из которых каждая, как бы мала или велика ни была по своему составу, представляла из себя одно тело во Христе, как бы тесную семью во главе с епископами и пресвитерами... [Отзывы. 1, 358].

В рамках приходской реформы значительная часть архиереев подробно излагала задачи приходских братств, разделяя их по характеру деятельности. Главным образом епископы писали о таких направлениях работы братств, как миссионерская, благотворительная и просветительная, иногда оставляя за ними и заботу о храме, причте и пр.

На рубеже XIX–XX вв. — и здесь иерархи не явились исключением — российское церковное общество стало переносить основной акцент в деятельности приходской общины (попечительства, братства) с заботы о благолепии храма, необходимость которой никто не отрицал, на благотворительность и просвещение.

Заключение

При рассмотрении «Отзывов» становится очевидным почти полное единодушие епископов тех лет в расположении к реформе, обновлению и оживлению существующего церковного строя. Порой кажется невероятной острота и откровенность поднимаемых проблем приходской жизни, общий уровень богословской мысли и высота кафедры, с которой было возможно вести обсуждение.

Глобальный ответ на кризис прихода был дан уже в послереволюционном опыте общин и братств новомучеников и исповедников XX в., в котором Евхаристия и Крещение вновь заняли центральное место в собрании верных во Христе¹². Предвестие опыта «введения» таинств в собрание верных можно увидеть в приходах и межприходских братствах у святых-пастырей еще до российских событий 1917–1918 гг. Например, так было в приходе о. Алексея Мечева или в межприходском братстве, возглавляемом еп. Арсением (Жадановским) (как и у многих других пастырей), пытавшихся не определять границы прихода в зависимости от его территории или выявлять списки его «членов», а установить молитвенное собрание приходского пастыря или архипастыря «купно» со своими прихожанами и прихожан друг с другом. Так, когда после октября 1917 г. прозвучал призыв патр. Тихона о создании братств, они стали очень быстро появляться по всей стране. Эта скорость, безусловно, свидетельствует не столько о наличии самих братств в конце синодальной эпохи, сколько о присутствии сродного опыта, в той или иной мере воплощавшего «местную соборность», а по сути — давно забытую церковную норму «общения святых».

На наш взгляд, в вопросе приходского устройства наиболее оправдан подход, высказанный еп. Тамбовским Иннокентием (Беляевым) и архиеп. Финляндским Сергием (Страгородским) еще в 1905–1907 гг., который так и не был услышан в ходе предсоборной полемики. «Нет нужды составлять заранее проекты приходского устройства, — писал еп. Иннокентий (Беляев), — такие проекты должны быть составляемы на местах». Указанное решение оставляет возможность каждому епископу вместе с приходской общиной, возглавляемой своим пресвитером, принимать устав, который больше соответствует, с одной стороны, образу

12. См., напр.: [Шеметов].

и глубине вхождения в церковное предание составляющих общину членов, а с другой — внешним условиям жизни, причем как конкретной приходской общины, так и всей местной церкви. При составлении приходского устава на Соборе 1917–1918 гг. такой взгляд не получил поддержки соборного большинства. Собор выработал единый устав для всех приходов России, в содержании которого, к сожалению, остается много недоработанного и противоречивого. Впрочем, это не умаляет его значения. Спустя почти сто лет он по-прежнему остается светлым маяком в нашей церковной истории, напоминая о великой задаче — через реформу приходского строя попытаться перетворить каждого крещеного человека в полноценного члена церковного собрания.

Сегодня, когда Русская церковь не испытывает внешних гонений, ничто не должно мешать ей продолжать размышления над своим же недавним опытом и делать усилия по его рецепции и воплощению. Этот опыт был накоплен нашей церковью в перипетиях минувшего, столь трагического для России века и зафиксирован в самых разных формах: в отзывах иерархии 1905–1906 гг., в предсоборных и соборных дискуссиях 1917–1918 гг., в жизни пастырей-праведников рубежа XIX–XX вв., в богословско-исторических трудах XX в. по православной экклезиологии, как и в особенно ценном для нас опыте новомучеников и исповедников российских.

Источники

Отзывы. 1–3 = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб. : Синодальная типография. Ч. 1. 1906. 548 с.; Ч. 2. 1906. 562 с.; Ч. 3. 1907. 591 с.

О благоустроении прихода = О благоустроении прихода : Свод мнений епархиальных преосвященных // Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. СПб. : Синодальная типография, 1906. С. 1–32.

Литература

1. Аксаков = Аксаков И. С. Сочинения : В 7 т. Т. 4 : Общественные вопросы по церковным делам. М. : Типография М. Г. Волчанинова, 1886. 770 с.
2. Белякова = Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. 664 с. (Церковные реформы : Дискуссии в Православной Российской

- церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период).
3. *Дестивель* = Дестивель Иакинф, свящ. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М. : Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2008. 307 с. (Материалы по истории церкви; кн. 41).
 4. *Заозерский* = Заозерский Н. А. Что есть православный приход и чем он должен быть. Сергиев Посад : Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1912. 106 с.
 5. *Папков* = Папков А. А. Древнерусский приход : Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века. М. : Печатня А. Снегиревой, 1897. 82 с.
 6. *Преображенский* = Церковная реформа : Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / Сост. И. В. Преображенский. СПб. : Типография Э. Арнгольда, 1905. 620 с.
 7. *Римский* = Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 567 с. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов).
 8. *Рожков* = Рожков Владимир, прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2004. 560 с.
 9. *Стефанович* = Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М. : Индрик, 2002. 352 с.
 10. *Фирсов* = Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М. : Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. 623 с. (Церковные реформы : Дискуссии в Православной Российской церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период).
 11. *Шеметов* = Шеметов Николай [Бычков С. С.]. Православные братства // Вестник РХД. 1980. № 131. С. 147–181.

Список сокращений

ЦОЖ	Церковно-общественная жизнь
ХМ	Христианская мысль

Olga Philippova

Analysis of “The Responses of the Diocesan Bishops on the Question of Church Reform” (1905–1906) in Relation to Parish Development and Improvements

The article presents an overview of opinions of bishops of the Russian Orthodox Church at the turn of the XIX–XX century on reasons of parish decline. Special attention is attributed to the question of parish reform and tendencies which influenced the discussions and elaboration of the Parish Regulation of the Local Council in 1917–1918. The attempts of the bishops to define “parish” and their proposals on the revival of parish life are of great interest. In the article general overview of the document under scrutiny and a short characteristics of the clergy at the beginning of the XX century is given.

KEYWORDS: bishop, parish, fraternity, reform, catholicity, pre-Council discussion of 1906, Council of 1917–1918.